

Г. В. Ф. Гегель

Сочинения

**Том 11. Лекции по истории
философии. Книга 3**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г27

Г27 **Гегель Г.**
Сочинения: Том 11. Лекции по истории философии. Книга 3 / Г. В. Ф. Гегель –
М.: Книга по Требованию, 2020. – 560 с.

ISBN 978-5-458-42181-2

ISBN 978-5-458-42181-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

М. Б. МИТИН

«ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ» ГЕГЕЛЯ

1

Выход в свет третьего тома «Лекций по истории философии» Гегеля завершает, наконец, издание на русском языке полностью всей гегелевской «Истории философии». Эта книга должна способствовать как глубокому изучению истории философии, так и самой гегелевской системы в целом.

Среди многочисленных трудов по истории философии, написанных буржуазными учеными, нельзя указать ни на одно из произведений, которое могло бы быть поставлено рядом с «Историей философии» Гегеля как по глубине содержания, так и по методу своего исследования. Гений Гегеля, его историческое чутье, глубокое конкретное знание всей истории философии, а также идеалистическо-диалектический метод сказались в этом произведении в полной мере. Нет ни одной проблемы во всей истории философии, начиная с античной и кончая новой, нет ни одного мыслителя крупного или мелкого во всей истории философии, которого Гегель не рассматривал бы с точки зрения своего метода и не поставил бы в связь со всей своей концепцией. Все, что мы имеем в области буржуазной историографии по философии после Гегеля, представляет собою огромный шаг назад от идей этого великого мыслителя и обнаруживает глубокий кризис, в котором пребывает буржуазная историография философии. И Целлер, несмотря на то, что Гегель оказал на него весьма значительное влияние со своим анализом «Das Geschehen», и Дильтей со своей «критикой исторического разума», и Куно Фишер, написавший немало по истории философии, и Риккерт и Виндельбанд, противопоставляющие с точки зрения кантовских позиций естественные и исторические науки, — все они настоящие пигмеи при трактовке историко-философских проблем по сравнению с Гегелем. Только пролетариат и его идеологи смогли критически преодолеть и впитать все ценное, что есть у Гегеля во всей его системе и в том числе в «Истории философии».

Наш интерес к «Лекциям по истории философии» Гегеля связан с тем, что «историческое чутье», проявленное им, замечательный анализ конкретного исторического материала по истории философии, произведенный им хотя и с ложных идеалистических позиций, дают огромный материал для «материалистического чтения» его, для построения систематической истории философии с точки зрения материалистического понимания истории. Гегелевские «Лекции по истории

философии» представляют собою по существу первое *историческое* произведение, посвященное истории философии. Этот гегелевский трехтомник составил настоящую эпоху в *развитии истории философии*. Именно поэтому классики марксизма давали такую высокую оценку этому произведению. Маркс еще в своей самой ранней работе, в докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и Эпикура», писал о гегелевской «Истории философии» следующее:

«Хотя Гегель в основном правильно определил общие черты названных систем (речь идет о системах Эпикура и Демокрита. — М. М.), но при изумительно грандиозном и смелом плане его «Истории философии», с которой вообще только и начинается история философии, он не мог вдаваться в детали. С другой стороны, этому колоссальному мыслителю мешал признать за этими системами высокое значение их для истории греческой философии и для греческого ума вообще его взгляд на то, что он называл спекулятивным *rag exellance*»¹.

Маркс, как известно, в этом произведении стоит еще, по выражению Ленина, на гегелевской идеалистической точке зрения. Однако его общая оценка гегелевской «Истории философии» сохраняет, несомненно, свое значение по настоящее время, ибо эта оценка повторяется и в позднейших произведениях основоположников марксизма. Молодой Маркс высказывает некоторые критические замечания по адресу Гегеля, причем, несмотря на то, что стоит на идеалистических позициях, он уже своим ясным умом и гениальной мыслью *нащупал* основную ограниченность гегелевской философии вообще и в частности его «Истории философии». Эту ограниченность Маркс видит в том, что *действительно* является величайшей ограниченностью «Истории философии» Гегеля, как и всей его системы в целом, а именно его (Гегеля) взгляд на то, что он называл спекулятивным. Дальше мы подробнее остановимся на этом вопросе, и нам станет ясно, насколько глубоко был прав Маркс в этом своем замечании.

Целый ряд замечаний, посвященных «Истории философии», мы имеем в дальнейших произведениях Маркса и Энгельса, в частности в «Святом семействе». Так, например, Маркс и Энгельс противопоставляют гегелевскую «Историю философии» вообще и в особенности его трактовку французского материализма той трактовке его, которую дают младогегельянцы, братья Бауэр. В связи с этим они пишут:

«История философии Гегеля изображает французский материализм, как реализацию субстанции Спинозы, что во всяком случае несравненно вразумительнее, чем французская школа Спинозы»².

Мы имеем в «Переписке Маркса и Энгельса» ряд оценок и характеристик гегелевской «Истории философии». Приведем здесь некоторые из этих характеристик. Так, Энгельс пишет Марксу 22 февраля 1852 г.:

«Этот последний (т. е. Гегель. — М. М.) первый понял всю историю философии, и от него нельзя требовать, чтобы он не делал ошибок в подробностях».

¹ Маркс и Энгельс, т. I, стр. 25.

² Там же, т. III, «Святое семейство», стр. 161.

Мы видим, таким образом, что Энгельс в 1858 г. в оценке гегелевской «Истории философии» стоит на той же точке зрения, которую выразил Маркс в своем раннем философском произведении. В своем письме от 1 января 1891 г. Энгельс пишет Конраду Шмидту:

«Книга Барта меня очень разочаровала. Я ожидал найти в ней гораздо меньше ошибок и поспешных выводов. Человек, который судит о каждом философе не по тому ценному, прогрессивному, что было в его деятельности, но по тому, что было необходимо преходящим, реакционным, судит по *системе*, — такой человек лучше бы молчал».

По мнению Барта, «вся история философии — это просто куча развалин (Trümmerhaufen) разрушенных систем». И в связи с этим Энгельс восклицает: «Как высоко стоит Гегель над этим мнимым своим критиком!» Мы здесь имеем у Энгельса не только высокую оценку гегелевской «Истории философии», но и ряд исключительных по своему содержанию замечаний по вопросу о том, как нам нужно судить в истории философии о различных философских системах. Энгельс указывает, что о каждом философе нужно судить по тому *ценному и прогрессивному*, что было в его деятельности, отбрасывая *преходящее и реакционное*.

В этих гениальных мыслях Энгельса мы имеем материалистическое истолкование и дальнейшее углубление ряда соображений по вопросам методологии истории, которые уже высказал Гегель. Отсюда понятна та высокая оценка, которую дает Энгельс в своем письме по поводу книги Барта гегелевской «Истории философии».

В письме к тому же Конраду Шмидту от 1 ноября 1891 г. Энгельс, касаясь специально вопроса о том, как надо изучать Гегеля, и давая в этом отношении советы Шмидту, пишет:

«Но вы не должны читать Гегеля так, как читал его П. Барт, именно для того, чтобы открывать в нем параллелизмы и передержки, которые ему служили рычагами для построений. Это — работа школьника. Гораздо важнее отыскать под неправильной формой и в искусственной связи справедливое и гениальное...». Так как каждая категория у Гегеля представляет собой ступень в истории философии (как он по большей части ее приводит), то вы сделаете хорошо, если просмотрите «Лекции по истории философии», одно из гениальнейших произведений».

Мы видим, что каждый раз, когда Марксу или Энгельсу приходится касаться «Истории философии», они не перестают оценивать это произведение Гегеля как гениальное произведение.

Приведем еще одну характеристику Энгельса гегелевской системы и в частности его «Истории философии», ибо каждая из этих характеристик не является просто повторением предшествующих, а выявляет, подчеркивает некоторые новые стороны этих произведений. Так, Энгельс в «Людвиге Фейербахе» указывает, что Гегель написал ряд произведений в целом ряде областей науки и в том числе в истории философии. И вот, пишет дальше Энгельс, «...в каждой из этих различных исторических областей Гегель старается найти и указать проходящую через нее нить развития. А так как он обладал не только творче

ским гением, но и всесторонней ученостью, то его появление везде составило эпоху»¹.

Эта характеристика Энгельса относится и к «Истории философии» Гегеля. Мы видим, что здесь Энгельс подчеркивает еще один момент в характеристике этого произведения, а именно — что Гегель старается найти и провести во всех своих исследованиях и во всех областях «проходящую нить развития», т. е. что Гегель *исторически* рассматривает каждую область вопросов, которой он занимается. Именно в этом одна из важнейших черт гегелевской «Истории философии», и именно поэтому «Лекции по истории философии Гегеля» составили эпоху в данной области.

Таковы некоторые оценки и характеристики данного произведения, которые мы имеем у Маркса и Энгельса.

Ленин, гениальный продолжатель марксизма в новую историческую эпоху, в эпоху империализма и пролетарских революций, *поднявший марксизм во всех его составных частях* на новую ступень, написал, как известно, ряд специально философских произведений. Ленин с глубочайшей тщательностью, с присущей ему научной добросовестностью и величайшим знанием дела изучал целый ряд гегелевских произведений, в том числе и такие произведения Гегеля, как «Наука логики» и «История философии». В знаменитых «Философских тетрадах» Ленина мы имеем конспекты всех трех томов гегелевской «Истории философии». Эти конспекты Ленина настолько богаты по своему содержанию, настолько глубоко трактуют *конкретные* вопросы всей истории философии, а также и вопросы *метода построения* истории философии, что они в буквальном смысле представляют собой настоящий комpendium для работы над систематическим изложением марксистской истории философии.

В нашу задачу в данной статье не входит оценка всего огромного содержания, которое дает Ленин в своем конспекте «Истории философии» Гегеля (да это и невозможно сделать в пределах одной статьи). Мы здесь остановимся только на некоторых *наиболее важных* вопросах при рассмотрении нашей темы и в первую очередь обратимся к тем характеристикам гегелевского метода по истории философии в целом, которые мы имеем в гениальных «Философских тетрадах» Ленина.

Прежде всего Ленин отмечает *строгую историчность Гегеля в «Истории философии»*. Он пишет следующее:

«Превосходно. За строгую историчность в «Истории философии», чтобы не приписывать древним такого «развития» их идей, которое нам понятно, но на деле отсутствовало еще у древних»².

И действительно, как мы уже отмечали выше, исторический подход ко всей истории философии в целом и к каждому отдельному мыслителю является важнейшей чертой данного гегелевского произведения. Может быть, это и звучит парадоксально, но это безусловно

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 639.

² Ленин, Философские тетради, стр. 258.

является фактом: Гегель велик тем, что он впервые в «Истории философии» поставил вопрос о необходимости подхода к истории философии исторически. Гегель велик тем, что в противовес целому ряду предшествовавших ему философов, писавших огромные многотомные труды по истории философии, впервые поставил перед собою задачу рассмотреть историю философии как некую *единую цепь развития*. Уже самая постановка такой гигантской задачи, не говоря о конкретном выполнении той или другой стороны ее, представляла собой *замечательное научное открытие*. Естественно, что Ленин, изучая данное произведение и конспектируя его, не смог пройти мимо этой важнейшей черты гегелевских «Лекций по истории философии».

Ленин далее конкретизирует оценку гегелевского метода по истории философии. У Гегеля мы имеем сравнение истории философии с кругом, у которого по краям имеется, в свою очередь, огромное количество других кругов. И по поводу этого гегелевского сравнения Ленин пишет: «Очень глубокое, верное сравнение. Каждый оттенок мысли — круг на великом круге (спирали) развития человеческой мысли вообще».

Это ленинское замечание по вопросу о «спиралевидном развитии» истории вообще и в частности истории человеческого познания не является случайным. Мы знаем, что Ленин неоднократно в своих философских произведениях возвращается к этому вопросу и дает ему, наконец, более или менее полную завершенную трактовку в своей статье «К вопросу о диалектике»¹.

В этой статье Ленин набрасывает замечательную схему по вопросу о кругах философии. Кстати, надо сказать, что до настоящего времени наши историки философии не удосужились разобрать эту ленинскую схему, которая представляет собой отправной пункт для систематического развития истории философии с марксистской точки зрения. Ленин рассматривает процесс познания как некий единый процесс, в котором мы имеем на великом едином круге познания бесконечные отклонения в сторону или так называемые малые круги. Ленин писал:

«Познание человека не есть (гегел — не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную целую прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где и закрепляет классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность, и односторонность, и деревянность, и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота — voilà гносеологические корни идеализма, а у поповщины (= философского идеализма), конечно, есть *гносеологические корни*). Она бесплодна. Она есть пустоцвет, бесспорно, но *пустоцвет*, растущий на живом дереве живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного человеческого познания»².

¹ Ленин, Философские тетради, стр. 267.

² Там же, стр. 328.

Эти глубочайшие мысли Ленина по вопросу о процессе развития познания представляют собой материалистическую переработку и тем самым поднятие на качественно новую ступень ряда соображений, которые высказывал Гегель по вопросу об истории философии, исходя из своих ложных идеалистических позиций. Тут мы имеем у Ленина целый комплекс, если можно так выразиться, рассмотренных и изложенных в чрезвычайно сжатой формулировке проблем. В данной связи мы отметим только то обстоятельство, что Ленин рассматривает всю историю познания как некий великий круг, который сопровождается всякого рода отклонениями и движениями в стороны.

Ленин высказывает замечательные мысли по вопросу о гносеологических корнях идеализма и всякого извращенного представления о действительности. Поэтому указание Ленина, касающееся гегелевского метода истории философии, которое мы приводим выше, имеет большое значение для понимания всей концепции Гегеля в его, говоря словами Маркса, грандиозном и смелом плане построения всей истории философии.

Следующий момент, который отмечает Ленин, характеризуя гегелевский подход к историко-философским проблемам, — это «прослеживание преимущественно *диалектического* в истории философии»¹.

Эта сторона дела исключительно важна для того, чтобы понять и осознать то значение, которое имеет для нас гегелевская «История философии». Мы часто встречаемся с писаниями, посвященными как историческо-философским вопросам, так и специально Гегелю, которые совершенно обходят и не понимают этого важнейшего момента. Дело в том, что диалектический метод, так блестяще разработанный Гегелем на почве идеализма, представляет собою, говоря словами Ленина, резюме, итог, вывод, всей его «Науки логики». Материалистическая диалектика представляет собою революционную душу марксизма, «*коренное теоретическое основание его*». Мы знаем, что материалистическая диалектика представляет собою в руках классиков марксизма — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина — могучее орудие познания, анализа действительности и ее изменения. Естественно, что мы выражаем особый интерес к *истории диалектики*, к тому выражению, которое диалектический метод получил в различные эпохи как в истории философии, так и в истории естествознания и общественных наук. Систематически разработанная история диалектического метода есть одна из наших больших задач, стоящих перед нами. И вот гегелевская «История философии», которая ставила перед собою подобного рода задачу, по решала ее на почве идеализма, естественно, должна вызывать особый интерес с нашей стороны. Ленин, конспектируя «Историю философии» Гегеля, не перестает отмечать все те места, где Гегель вскрывает диалектику в «Истории философии» у тех или других мыслителей и где в связи с этим дает огромное богатство определений диалектики, в которых каждый раз отмечаются те или другие ее новые стороны.

¹ Ленин, *Философские тетради*, стр. 259.

Отметим еще один вопрос, который имеет первостепенное значение в ленинской оценке гегелевской «Истории философии». Ленин подходит к гегелевской «Истории философии» как к идеалистическому от начала до конца произведению. Ленин рассматривает лекции Гегеля по истории философии как произведение, в котором мы отнюдь не имеем беспристрастной, «объективной» истории философии. Нет, Ленин рассматривает это произведение как воинствующее произведение, *направленное* против материализма. Именно такая оценка и такой подход со стороны Ленина вскрывают *само нутро* и важнейшие стороны гегелевских «Лекций по истории философии». Ленин не перестает отмечать, что Гегель, *вопреки* его историзму, *вопреки* его диалектическому методу и требованию глубокого изучения той внутренней борьбы, которая происходила в истории философии на протяжении веков, как идеалист всячески «изничтожает» материализм в истории философии. Мы имеем у Гегеля не только смазывание материализма. Он по существу *выбрасывает из истории философии материализм*. Он отводит исключительно малое место крупнейшим мыслителям—материалистам, как например, Демокриту, Эпикуру, Спинозе, Бекону, Гоббсу, французским материалистам и т. д. Гегель всячески извращает их взгляды; высказывает целый ряд соображений о том, что, собственно говоря, их произведения нельзя считать подлинно философскими произведениями, что они представляют собою поверхностную болтовню и т. д., и т. д. Воинствующий идеалистический характер гегелевской «Истории философии», направленной против материализма, является одной из характернейших черт этой книги. Естественно, что *воинствующий материалист* Ленин не остается в долгу у Гегеля. У Ленина на протяжении всего его конспекта, посвященного истории философии, мы имеем огромное количество замечаний, в которых он с необычайной резкостью критикует Гегеля.

Приведем здесь хотя бы следующие ленинские замечания. Он пишет: «Отвратительно читать, как Гегель выхваливает Аристотеля за «истинно спекулятивное понятие» о «душе» и многое другое, размазывая явно идеалистический (= мистический) вздор»¹.

По поводу гегелевского замечания насчет Эпикура, что у него (Эпикура) нет «конечной цели мира, мудрости творца», Ленин не выдерживает и бросает по адресу Гегеля следующее замечание: «Бога жалко!! Сволочь идеалистическая!»

В этом замечании воинствующий характер ленинского чтения гегелевских работ, его направленность против идеализма получает свое в высшей степени яркое выражение.

Мы говорили, что Гегель всячески стремится вопреки всему своему историзму как идеалист всячески «подделывать» историю под идеализм. Особенно подвергается у него обработке такой крупный мыслитель, как Аристотель. Ленин следует шаг за шагом за Гегелем в этой его «подделке», разоблачает его, показывает, как он вопреки всем требованиям диалектического метода «подчищает» историю. Ленин

¹ Ленин, Философские тетради, стр. 291.

пишет: «... и Гегель *выцарапывает* из Аристотеля, что-де «разум и постигаемое только разумом одно и то же» etc. Образец идеалистических натяжек идеалиста! Подделка Аристотеля под идеалиста 18—19 века»!¹ Мы видим, таким образом, что Гегель не выдерживает той «строгой историчности», которой он сам требует в своем введении в историю философии.

Общий вывод, к которому приходит Ленин, характеризуя этот направленный против материализма характер гегелевских «Лекций по истории философии», следующий:

«Гегель серьезно *«верил»*, думал, что материализм как философия невозможен, ибо философия есть наука о мышлении, об общем, а *общее* есть мысль. Здесь он повторял ошибку того самого субъективного идеализма, который он всегда называл дурным идеализмом: Объективный (и еще более абсолютный) идеализм зигзагом (и кувырком) подошел *вплотную* к материалистическому, частью даже *превратился в него*»².

Ленин, отмечая все гениальное содержание этой работы, вместе с тем в высшей степени *критически* относится к Гегелю. Ленин глубоко вскрывая все то, что имеется ценного в работе Гегеля, отбрасывает все реакционное. Этим Ленин дает нам величайший образец, как нам надо подходить к гегелевской философии, и величайший пример, насколько неправильными, антиленинскими являются работы как меньшевистствующих идеалистов, так и механистов, посвященные Гегелю.

Отметим еще одно замечание Ленина, касающееся гегелевского предисловия к «Истории философии». Выудив оттуда все наиболее ценное, отметив то рациональное, которое есть у него, Ленин дает следующее заключение, касающееся этого предисловия: «Архидлинно, пусто, скучно об отношении философии к религии, вообще предисловие чуть не в 200 страниц — невозможно!»³.

Таковы ленинские оценки данного произведения, взятого в целом. Мы видим, что у Ленина мы имеем конкретизацию и дальнейшее развитие тех характеристик, которые давали Маркс и Энгельс гегелевской «Истории философии».

II

Рассмотрим теперь подробнее основные черты гегелевского метода, его подхода к истории философии. Во введении к «Истории философии» Гегель дает прежде всего глубокую и интересную трактовку *понятия развития как движения конкретного*. Анализируя понятие развития, Гегель считает, что надо отличать в этом понятии два состояния: одно — как бытие в себе, то-есть как потенцию, и другое состояние — как бытие для себя, то-есть как действительность. Гегель считает, что лишь когда то, что находится в себе бытия, переходит в

¹ Ленин, Философские тетради, стр. 295.

² Там же, стр. 284.

³ Там же, стр. 258.

бытие для себя, оно становится подлинною действительностью. Всякое развитие с точки зрения Гегеля характеризуется этим переходом из одного состояния в другое, причем, с другой стороны, сам этот переход и обнаруживает, дает картину того, что представляет собою развитие.

Мы должны здесь отметить огромное значение диалектической постановки этого вопроса, которую мы имеем у Гегеля. Стоит вспомнить, как Маркс в «Нищете философии» рассматривает вопрос о движении и развитии рабочего класса, как Маркс ставит вопрос о различных стадиях в развитии рабочего класса, о классе в себе и классе для себя, чтобы понять, что мы в данных положениях Гегеля имеем одну из важнейших черт, характеризующих процесс развития. Гегель, применяя этот важнейший принцип о различии двух состояний к процессу познания, к процессу развития науки, писал:

«Всякое познание и изучение, наука и даже действие имеет своей целью не что иное, как извлечение из себя и выявление во вне того, что есть внутри или в себе, и следовательно, не что иное, как становление для себя предметом»¹.

Мы видим, как широко трактует Гегель этот принцип, относя его ко всему процессу развития науки, познания и, как он выражается, *даже действия*. Однако, общее абстрактное понятие развития Гегеля самого не удовлетворяет. Он ставит вопрос, *что* именно развивается, в чем состоит содержание или, как он выражается, «абсолютное содержание развития». Анализируя этот вопрос, он приходит к выводу о необходимости рассмотреть понятие *конкретного*. Гегель ставит перед собой задачу — показать, насколько ошибочно обычное мнение, состоящее в том, что философия имеет дело лишь с абстракциями, совершенно пустыми общностями, и что якобы только чувственное, так сказать, эмпирия в обычном смысле слова, конкретна. Если, по Гегелю, действительно философия занимается только мыслью как неким общим, то это вовсе не значит, что философия не занимается проблемой развития во всей ее конкретности, то-есть общим, данным в сочетании с особенным, единичным.

В этой связи Гегель пишет:

«В этом и состоит отличие разумного от чисто рассудочного познания; задача философии заключается в том, чтобы вопреки рассудку показать, что истинное, идея, не состоит в пустых общностях, а в некоем всеобщем, которое само по себе есть особенное, определенное. Если истина — абстрактна, то она — не истина. Здравый человеческий разум стремится к конкретному; лишь рассудочная рефлексия есть абстрактная *теория*, не истина — она правильна лишь в голове, — и между прочим, также и непрактична; философия же наиболее враждебна абстрактному и ведет нас обратно к конкретному»².

¹ Гегель, т. IX, стр. 27.

² Там же, стр. 30.

При всей ограниченности специфически гегелевского идеалистического характера трактовки этих вопросов, при всем этом выхваливании спекулятивного мышления и спекулятивного понятия Гегель дает тут такие формулировки и положения, которые должны быть отмечены как гениальные мысли. Положение, что истина конкретна, что абстрактной истины нет, — ведь это положение, понимаемое материалистически, является одним из краеугольных камней марксистско-ленинской философии. Ведь положение, что здравый человеческий разум стремится к конкретному, или, говоря материалистически, исходит из действительно существующего конкретного, объективного мира, — ведь это положение является одним из важнейших положений теории познания диалектического материализма.

Отсюда ясно, какое значение имеет для нас «материалистическое чтение» гегелевской «Истории философии». Установив таким образом, в чем состоит существо понятия развития и существо понятия конкретного, Гегель ставит перед собою задачу — связать понятие развития с понятием конкретного. Такая связь, или единство конкретного, дает, по Гегелю, *движение конкретного*, или *конкретное движение*. При таком движении конкретное получается, что конкретное и просто и вместе с тем различимо внутри себя, важнейшей характеристикой является его внутренняя противоречивость. Внутреннее противоречие конкретного есть движущая сила развития. Движение конкретного, по Гегелю, дает все богатство диалектического процесса. Вот какие мысли и соображения развивает дальше Гегель при анализе этих понятий. Отсюда ясно, пишет он дальше, что «истинное есть, наоборот, движение, процесс. Но в этом движении есть покой. Различие, поскольку оно существует, есть лишь нечто исчезающее, благодаря чему возникает полное, конкретное единство».

Мы видим, что Гегель все время занимается анализом только *понятий* конкретного, *понятий* развития и т. д. Идеалистический характер всего этого рассмотрения выражается не только в ложном *исходном* пункте, но и в процессе всего анализа. Эту свою теорию развития, которую он здесь изложил в отдельных ее специфических чертах и которая, конечно, получила свое наиболее развернутое изложение в его «Науке логики», Гегель кладет в основу анализа истории философии.

Понятно, что, поставив перед собою задачу — рассмотреть историю философии как некое движение конкретного со всеми его внутренними противоречиями, Гегель должен был разрешить весьма важный вопрос. Это — вопрос о соотношении и связи между историей философии и философией как таковой, философией как наукой, как системой. Буржуазные ученые без конца бьются над вопросами, что такое история философии, есть ли она наука, нечто целое, единое, можно ли посредством анализа истории отыскать в ней связи и т. д. Так, например, Виндельбанд, исходя из своего кантианского разграничения наук естественных и исторических, касаясь в своей статье «Что такое философия» специально этого вопроса, считает, что путем исторического сравнения нельзя установить в общеобязательной форме